

«МАЛЫЕ» ПЛЕМЕНА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

М.И. Жих

Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются письменные и археологические источники о «малых» племенах, из которых состояли обширные летописные объединения восточных славян. Археологически они представлены локальными скоплениями памятников со своими центрами. Эти археологически выделяемые локальные скопления соответствуют условным «малым» племенам, существование которых историки предполагают на основе отдельных летописных сообщений, сопоставления восточных славян с западными, а также с другими народами, находившимися на позднеэтнополитической и предгосударственной стадии развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восточные славяне, племена, малые племена, племенные союзы, социальная структура.

«SMALL» TRIBES OF THE EASTERN SLAVS ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Maksim Zhikh

International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article examines written and archaeological sources relating to the «small» tribes, which made up extensive associations of the Eastern Slavs, according to the chronicles. Archaeologically, they are represented by local clusters of monuments with their centers. These archaeologically distinguished local clusters correspond to the so-called «small» tribes, the existence of which historians assume on the basis of separate annalistic reports and comparison of the Eastern Slavs with the Western ones, as well as with other peoples who were at the late tribal and pre-state stage of development.

KEYWORDS: Eastern Slavs, tribes, small tribes, tribal unions, social structure.

В древнерусских летописях упоминается ряд восточнославянских общностей: поляне, древляне, уличи, словене, радимичи и т.д.¹ Что все они из себя представляли в социально-политическом и организационном плане? Этот вопрос давно заинтересовал исследователей. Историки XIX в. часто называли их «племенами», не раскрывая чётко своего определения этого понятия. Так, по словам В.О. Ключевского, «трудно решить, что такое были эти племена, плотные ли политические союзы или простые географические группы населения, ничем не связанные политически» (Ключевский 1987: 129). В то же время историк допускал, что «уже в VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена, хотя родовая обособлен-

ность ещё преобладала», основой формирования таких союзов были набеги на Византию и борьба с внешними врагами (Ключевский 1987: 129), что «может быть, мелкие родовые князьки того или другого племени, считая себя потомками общего предка, подобного полянскому Киею, поддерживали между собою какие-либо генеалогические связи, собирались на племенные вече, как это делали карпатские филархи, или на поминальные празднества в честь обоготворённого родоначальника» (Ключевский 1987: 130).

С.М. Середонин предположил территориальный характер летописных общностей («местные названия XI века»), из которых летопись сделала «племена» (Середонин 1916: 152). Правда, в летописях, когда они говорят о восточнославянских этнополитических объеди-

1 Публикация подготовлена при поддержке гранта А. Костылева.

нениях, термин «племя», или какой-то его смысловой аналог не употреблён ни разу.

Согласно мнению Н.П. Барсова, летописные поляне, древляне и т.д. представляли из себя политико-географические общности (Барсов 1885).

А.И. Соболевский предложил рассматривать названные летописью объединения в качестве этнических групп (Соболевский 1884), что было принято А.А. Шахматовым (Шахматов 1899: 324-384; 1919), А.А. Спицыным (Спицын 1899: 301-340), П.Н. Третьяковым (Третьяков 1953). Особо подчёркивал этнический характер летописных групп восточного славянства и В.В. Мавродин, по мнению которого, они представляли из себя «этнические общности, которые уже не являлись ни племенами, ни союзами племён, но ещё не сложились в народности» (Мавродин 1971: 157-170).

В вопросе структурной организации летописных восточнославянских объединений большинство советских историков приходит к выводу, что они представляли собой племенные союзы, состоящие из единиц более низкого порядка – собственно «племён» (Рыбаков 1947: 81-105; 1953: 23-104; 1964: 10-11; 1982: 235-286; Соловьёва 1956: 138-170; Фроянов 1980: 11-13; 1992: 21-74; 2015: 37-42, 88-93; Седов 1982: 269-273; 1999; 1999а; Новосельцев 2000: 49).

По интересной гипотезе А.А. Горского, в ходе расселения славян в VI-VII вв. родоплеменные связи были разрушены и образовались новые общности на территориальной основе – они и названы в летописях. В византийских источниках эти общности именуется термином славинии (Горский 2004: 9-19; 2011: 150-154. Критику см.: Фроянов 2015: 41-42). Но и в рамках этой гипотезы вполне правомерной остаётся постановка вопроса о более мелких структурных единицах, из которой состояли летописные общности восточных славян, независимо от того, была их структура преимущественно родовой или территориальной.

Как видим, разброс мнений относительно социально-политической организации отдельных групп восточных славян, названных в летописях, накануне сложения Древнерусского государства, является значительным. А.Ю. Дворниченко по этому поводу заметил, «что касается летописных “племён”, то более или менее бесспорным является их “этнографический характер”. Определение остальных сущностных их черт находится на уровне известной английской поговорки: “сколько голов – столько и умов”» (Дворниченко 2006: 188).

В недавних работах А.П. Толочко и И.Н. Данилевского реальность этногеографической карты восточнославянского мира предгосударственной и раннегосударственной эпохи, обрисованной в древнерусских летописях, была решительно поставлена под сомнение и охарактеризована как преимущественно искусственный книжный конструкт летописцев, слабо связанный или не связанный вовсе с историческими реалиями (Толочко 2002: 112-117; 2015: 68-92; Tolochko 2007: 169-188; Данилевский 2014: 66-75; 2018: 320-327)². В пользу такой

интерпретации приводится два ключевых аргумента: (1) число восточнославянских «племён» составляет двенадцать, что соответствует библейским двенадцати коленам израилевым и таким образом летописец просто проводил параллель между отечественной и библейской историей; (2) летописи активно рассказывают о «племенах» применительно к языческой эпохе, но быстро «забывают» о них после крещения Руси, из чего следует, что «племена» были для летописцев просто элементом противопоставления языческой и христианской эпох.

Оба эти аргумента неверны и основаны исключительно на плохом знании фактического материала или его намеренном искажении. Среди летописных перечней «племён» нет ни одного, в котором их число составляло бы двенадцать. Если же провести операцию сложения всех «племён» из разных перечней, живших, согласно Повести временных лет (далее – ПВЛ), на территории, попавшей со временем под власть Рюриковичей, то их получится не двенадцать, а пятнадцать: (1) бужане; (2) воляняне; (3) вятичи; (4) древляне; (5) дреговичи; (6) дулебы; (7) кривичи; (8) поляне; (9) полочане; (10) радимичи; (11) северяне; (12) словене (ильменские); (13) тиверцы; (14) уличи; (15) хорваты.

Никуда не «исчезают» из летописного повествования «племена» и после конца X в.: речь о них идёт в целом ряде известий как XI, так и XII в. (выходящих за рамки ПВЛ)³.

Согласно ПВЛ, «по сихъ братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива – М.Ж.) почаша родъ их княженъ в полях, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). Речь здесь идёт об оформлении в славиниях в VIII-IX вв. института наследственной княжеской власти. Структура управления славиниями того времени была трёхступенчатой и включала в себя: (1) княжескую власть (Фроянов 1980: 8-20; Свердлов 2003: 55-91); (2) совет знати – «старцев градских» (Мавродин, Фроянов 1974: 29-33; Фроянов 1999: 89-105; Жих 2015а: 7-28); (3) народное собрание – вече (Фроянов 1980: 160; Дворниченко 2006: 189; Жих 2012: 151-158).

Выводы нашей статьи о «старцах градских» как восточнославянской знати догосударственного периода подверглись критике П.В. Лукина, который настаивает на книжном характере данного термина. Наше замечание, что летописец использовал готовый литературный штамп из переводной литературы, а, наоборот, «реальный древнерусский термин использовался переводчиками для наименования определенной социальной категории, которая представлялась им аналогичной какой-либо категории древнерусского общества» (Жих 2015а: 31), П.В. Лукин парировал следующим образом: «Автор этой интерпретации странным образом не заме-

3 А.С. Щавелев занял как бы промежуточную позицию: не отвергая летописную этногеографическую карту восточнославянского мира полностью, он ставит под сомнение её значительную часть. «Проблемные случаи», по его мнению, представляя собой называемые в ПВЛ общности дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов (Щавелев 2017: 259-267; 2019: 167-198). Поскольку нами уже была дана критика его построений (Жих 2021: 145-155), в данной статье мы к этому сюжету не обращаемся.

2 Аналогичным образом П. Урбаньчик «деконструировал» традиционную этногеографическую карту будущих польских земель (Urbańczyk 2008: 69-107).

чает того, что если ее принять, получится следующее: окажется, что, допустим, болгарские переводчики IX-X вв. читали древнерусские источники и использовали для характеристики библейских реалий древнерусские социальные термины. Правда, придется допустить наличие у них машины времени, поскольку это было еще до того, как самые первые древнерусские источники были написаны» (Лукин 2017: 290). Здесь налицо недоумение. Речь, естественно, должна идти не только о древнерусских, но о славянских переводчиках в целом, использовавших в переводах свою привычную социальную терминологию, которая и в Болгарии, и на Руси, и в других регионах славянского мира была в это время очень сходной. Если древнерусские источники говорят о «старцах градских» или «старейшинах города», то Константин Багрянородный сообщает о ζουπανοί γέροντες (Константин Багрянородный 1991: 112-113) – «старцах жупанах» или «старейшинах жупанах» у западнобалканских славян, а Ибрахим Ибн Йа'куб (ок. 912 – 966), описывая велетов-лютичей указывает, что они «не имеют царя и не позволяют управлять собой [одному] правителю⁴, а осуществляющими власть среди них являются их старцы («starsi» – перевод Т. Ковальского – М.Ж.)» (Kowalski 1946: 50). Во всех этих известиях речь идет примерно об одном и том же социальном институте славянского мира предгосударственной эпохи – старейшинах славянских административно-географических единиц (у восточных славян такими единицами выступали «грады» – центры славиний или составлявших их «малых» племён, у южных славян – «жупы»). Славянские «старцы (градов или жуп)» в славянских текстах закономерно контактировали с греческим οἱ πρεσβύτεροι τῆς πόλεως, но, само по себе, это ещё не даёт оснований говорить о книжном характере термина, а тем более, стоявшего за ним явления.

На наш взгляд, наиболее корректно называть летописные группы восточных славян этнополитическими объединениями (что подчёркивает их этническое и политическое единство), если следовать терминологии византийских источников – славиниями (Литаврин 2001: 518-526). Если говорить об их территориально-политической структуре, то следует принять взгляд на них как на «племенные союзы» (термин условен и указывает на то, что структурно они состояли из единиц более низкого порядка – условных «племён»), обладавшие политическим и, в известной мере, этническим единством. Открытым остаётся вопрос, можно ли считать их т.н. «вождествами» (ср.: Дворниченко 2006: 188-191).

Как справедливо, на наш взгляд, полагал А.П. Новосельцев, «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским “племенам”, как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

Относительно лютичей один средневековый автор писал, что «хижане и чрепняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратары – к югу. Эти четыре народа

⁴ Ср. слова Титмара Мерзебургского (975-1018): «Всеми ими, которые в совокупности зовутся лютичами, не управляет единолично какой-либо правитель» (Титмар Мерзебургский 2019: 107).

по причине их храбрости называют вильцами или лютичами» (Хрестоматия 1949: 41).

Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших структурных единиц («племён»): «Каждое из этих больших племен, делилось в свою очередь на ряд меньших: лютичи на чрепнянов, ратарей, украинов, стодоранов (гавеланов) и пр.; бодричи – на вагров, вранов, смолинцев, древлян, рарогов; сербы – на лужичан, мильчан и т.п.» (Нидерле 1898: 523. Полный список известных западнославянских и южнославянских «малых» племён см.: Горский 2011: 138-143).

В качестве другого примера можно привести социально-политическую структуру чешского общества IX в. Датируемый этим столетием «Баварский географ» сообщает: *Bethemare in qua sunt civitates XV* («Бетеймары (Богемия – М.Ж.) – [область], в которой 15 городов»: Назаренко 2001: 53-55). *Civitas* в источниках того времени – это поселение, где находился центр политической власти над той или иной территорией или обозначение всей соответствующей территории (Флоря 1981: 99).

В «Фульдских анналах» под 845 г. сообщается, что Людовик Немецкий (843-876) «встретился с четырнадцатью герцогами Богемии (*XIV ex ducibus Voemanorum cum hominibus suis*), которые желали со своими людьми принять христианскую религию, и велел им креститься на восьмой день после Богоявления» (Фульдские анналы 2010).

Цифра чешских *civitas* в «Баварском географе» практически совпадает с числом чешских князей в сообщении «Фульдских анналов», из чего можно заключить, что Чехия первой половины IX в. представляла собой объединение 14-15 «племён», каждое из которых имело свой центр («град») и своего князя.

Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших «племён».

В «Баварском географе», анонимном памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в. (Назаренко 2001: 51-70), перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союзы типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д. (Седов 1999: 64-65).

Существование «малых» племён у славян подтверждается и сравнительно-историческими наблюдениями. Так, Л.Г. Морган писал об ирокезах: «Территория племени состояла из фактически заселенной им местности, а равно окружающего района, в котором племя охотилось и занималось рыбной ловлей и который оно было в состоянии охранять от захвата других племен.

Вокруг этой территории лежала широкая полоса нейтральной, никому не принадлежавшей земли, отделявшей их от ближайших соседей, если те говорили на другом языке, и менее определенно ограниченная полоса, если эти племена говорили на диалектах одного и того же языка. Вся эта не имеющая точно определенных границ область, независимо от ее величины, составляла владения племени, признавалась таковой другими племенами и охранялась самими владельцами» (Морган 1934: 67).

На «малые» племена делились и германские этнополитические объединения. По словам Публия Корнелия Тацита (сер. 50-х – ок. 120 г.), «свебы не представляют собою однородного племени, как хатты или тенктеры, но, занимая большую часть Германии, и по сей час еще расчлениются на много отдельных народностей, носящих свои наименования, хотя все вместе они и именуется свебами... Среди свебов, как утверждают семионы, их племя самое древнее и прославленное... Влиятельность семионов подкрепляется их благоденствием: ими заселено сто округов, и их многочисленность и сплоченность приводят к тому, что они считают себя главенствующими над свебами. Лангобардам, напротив, стяжала славу их малочисленность, ибо, окруженные множеством очень сильных племен, они оберегают себя не изъявлением им покорности, а в битвах и идя навстречу опасностям. Обитающие за ними ревдигны, и авионы, и англии, и варины, и эвдосы, и свардоны, и нуитоны защищены реками и лесами. Сами по себе ничем не примечательные, они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена» (Тас. Germ. 38-40; Тацит 1993: 352-353).

К сожалению, имена «малых» восточнославянских племён практически не попали на страницы летописей – древнерусские летописцы описывали только восточнославянские этнополитические союзы в целом, но сам факт их существования не вызывает сомнений, ведь по справедливым словам Г.Ф. Соловьёвой, «территория радимичей приблизительно равна территории лютичей» (Соловьёва 1956: 166), стало быть и территориально-политическая структура восточнославянских и западнославянских этнополитических объединений должна быть сходной.

Можно привести только один надёжный и два спорных примера того как имена «малых» восточнославянских племён отразились в источниках.

Полочане (о них подробнее см.: Горский 1995: 50-63; Жих 2015: 31-52).

Согласно ряду летописных известий регион верховьев Западной Двины с городом Полоцком входил составной частью в обширный ареал славянского этнополитического объединения кривичей: в легенде о призвании варягов в ПВЛ сказано, что «первии наследници... въ Полотъске Кривичи» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), а поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14); под 1127 г. летописи, повествуя о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю говорят: «Посла князь Мъстиславъ

съ братьею своею многы [на] Кривичи четырьми путьми» (ПСРЛ. I: 297; ПСРЛ. II: 292); в Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) (ПСРЛ. II: 304, 521) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) (ПСРЛ. VII: 28, 76) летописях полоцкие князья названы «кривичскими».

В тоже время, согласно другим летописным пассажам в указанных местах проживало другое славянское «племя» – полочане. Всего в ПВЛ «полочане» упоминаются трижды.

В рассказе о расселении славян с Дуная читаем: «От техъ Словенъ разидошася по земли и прозвашася имени своими, где седше на котомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именемъ Мораве и прозвашася Морава, а друзии Чесе нарекошася, а се ти же Словене: Хорвати Белии, Серпь, и Хутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунаиские и седшимъ в нихъ и насилиющимъ имъ. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове. Друзии Лютице, инии Мазовшане, а нии Поморяне. Тако же и те же Словене пришедше, седоша по Днепру и наркошася Поляне, а друзии Деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и наркошася Дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, еже втечетъ въ Двину именемъ Полота, от сея прозвашася Полочане. Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и наркошася Северо. И тако разидеся Словенскъ языкъ темже и прозвася Словенская грамота» (ПСРЛ. I: 5-6; ПСРЛ. II: 5).

Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива – М.Ж.) почаша держати родъ ихъ княжение в Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дръговици свое, а Словене свое въ Новеороде, а другое на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же и Кривичи, иже седять на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седять Кривичи, таже Северо от нихъ» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8).

В третий раз полочане упоминаются летописцем в следующем контексте: «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородъци, Полочане, Дреговичи, Северо, Бужане, зане седять по Бугу, послезе не Воляняне» (ПСРЛ. I: 9-10; ПСРЛ. II: 8).

Итак, одни летописные тексты «отдают» верховья Западной Двины кривичам, а другие – полочанам.

Очевидно, такая значительная и занимавшая огромную территорию восточнославянская этнополитическая общность как кривичи, делилась на ряд более или менее обособленных структурных единиц разного уровня: от небольших «племён» до их локальных объединений. Кривичи в их совокупности занимали огромную территорию от бассейна р. Великой через верховья Днепра до Мсты, очерчиваемую по ареалу характерных для них погребальных памятников, длинных курганов (карту распространения этих памятников см.: Седов 1982: 48-49. Карта 8). По словам В.В. Седова «общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две культурные группы, соответствует трём историческим землям Древней Руси – Псковской, Полоцкой и Смоленской, –

принадлежащих кривичам» (Седов 1999: 143). Широта расселения кривичей с неизбежностью должна была привести к формированию локальных объединений в рамках кривичского ареала, объединяющих, вероятно, несколько небольших «племён», которым соответствуют отдельные скопления археологических памятников.

Одним из таких объединений и были летописные «полочане». Ядром их (полочанами, так сказать, «в узком смысле»), скорее всего, было население, оставившее Полоцко-Ушачское скопление памятников, крупнейшее на Полотчине. Вероятно, в состав объединения полочан входили ещё несколько небольших «племён», оставивших соседние скопления (сколько именно – сказать невозможно). Центром кривичского объединения полочан был, очевидно, Городок на Полоте, предшественник Полоцка, видимо, носивший то же имя (о Городке на Полоте см.: Алексеев 2006: 58-60).

В Верхнем Поднепровье сложилось другое кривичское объединение во главе со смолянами. Существование такого кривичского «племени» реконструируется из сопоставления названия города Смоленск (Смоленская) (столица смоленских кривичей начиная с гнездовского периода его истории: Алексеев 2006: 53-58) и имени одного из славянских «племён» на Балканах, *смоляне* или *смолене* (Трубачев 2005: 96), а также западнославянских *Smeldingon* (Трубачев 2005: 97). Повторяемость одних и тех же этнонимов в разных частях славянского мира – одна из характерных черт славянской этнонимии (Трубачев 1974: 48-67).

Смоленск, очевидно, был «племенным» центром смолян, по имени которых и получил своё имя (Трубачев 2005: 99-102), а уже от него, в свою очередь, «смолянами» стали называться жители Смоленска и его волости древнерусского времени. Перед нами пример переноса «племенного» названия на новую территориально-политическую общность: имя «племени» → имя города его центра → имя нового территориально-политического образования, центром которого стал этот город. Имя смоляне, **smol'ene*, **smol'ane* значило первоначально «выжигающие лес» – от древней формы и значения глагольного корня **smol-*, **smoliti* (Трубачев 2005: 105). Этноним, очевидно, связан с подсечным земледелием. По словам О.Н. Трубачева «в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нем запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smol'ene* – это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса» (Трубачев 2005: 105).

Летописец говорит, что имя полочане происходит от реки Полоты, что чётко указывает на «племенной», а не территориально-политический характер этого объединения. Этнонимы, производные от гидронимов были распространены в славянском мире: вспомним вислян, бобрян, речан и т.д. Полоцк, очевидно, также получил своё имя по реке Полоте: «Полоцк, или Полотеск, – город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску – от реки Видьбы и т.д.» (Тихомиров 1956: 362. См. также: Нерознак 1983: 139). И уже от имени города Полоцка получили своё имя полочане как территориально-по-

литическая общность XI-XIII вв. – жители Полоцка и его волости⁵.

Летописец, упомянувший полочан в качестве особого славянского этнополитического союза и написавший о происхождении от них кривичей, разграничил полочанскую и кривичскую территорию, ограничив последнюю верховьями Волги, Днепра и Западной Двины и указав, что город кривичей – Смоленск. Полоцк, стоявший ниже по течению Двины и его окрестности он, очевидно, в кривичскую территорию не включил, равно как и Псковскую землю, также входившую, как мы знаем по другим данным, в кривичский ареал (Седов 1974: 36 и сл.; 1981: 5-11; 1982: 46-58; Жих 2017а: 87-106).

Этот летописец писал о кривичах в «узком» значении, понимая под ними только территорию смолян и их соседей. По всей видимости, кривичами в первую очередь называлась верхнеднепровская группа славян, а уже от неё это имя распространилось на весь славянский ареал культуры длинных курганов, который едва ли имел сколько-нибудь прочное политическое единство. Общность кривичей скорее носила этнокультурный характер, связанный с единством их происхождения. В политическом же смысле изборско-псковские (Жих 2017а: 87-106), полоцкие и смоленские кривичи, вероятно, с раннего времени жили обособленно, что не могло не привести к формированию локальных этнонимов, покрывавших расположенные по соседству «племена».

Смоленская группировка кривичей, именовалась собственно кривичами, а также, вероятно, смолянами, полоцкая – полочанами, а имя изборско-псковской группы кривичей остаётся нам неизвестно.

Большинство летописцев говорило о кривичах *in corpore* и только один (автор или редактор этногеографического введения к ПВЛ) сохранил имя полочан и сохранил важные сведения об исторической географии Кривичской земли. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I: 19, 22-23; ПСРЛ. II: 13-14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

Таким образом, кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого, не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале, который можно очертить по летописным данным и по ареалу кривичской культуры длинных курганов, существовало множество небольших «племён», археологическим эквивалентом которых являются скопления памятников, объединённые, по-видимому, в три большие группировки: изборско-псковскую (по берегам реки Великой), двинскую (полоцкую) и верхнеднепровскую (смоленскую), а возможно, ещё и северо-восточную (мстинскую), представители которой были ассимилированы ильменскими словенями (в этом регионе культура длинных курганов перекрывается культурой сопков: Седов 1999: 141 (Рис.

⁵ Впервые полочане в таком качестве упомянуты в ПВЛ под 1092 г.: ПСРЛ. I: 215.

27), 163-165). Название «кривичи», вероятно, относилось прежде всего к Смоленской группировке, а от неё распространялось на всех «длиннокурганников».

Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, полочане, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Изначально «полочанами», видимо, именовалось кривичское «племя» археологическим эквивалентом которого является Полоцко-Ушачское скопление памятников, а политико-административным центром был Городок на Полоте. По имени этого «племени» крупнейшего и сильнеешего среди них, все двинские кривичи стали именоваться «полочанами», составив, очевидно, некую политическую общность. У верхнеднепровских кривичей было при этом своё политическое объединение.

Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью: по легендарным сведениям ПВЛ полоцкие кривичи участвовали в призвании варягов и приняли «мужа» от Рюрика, а смоленские кривичи в это время сохраняли свою независимость и были подчинены только Олегом в 882 г. По аутентичным данным Константина Багрянородного (945-959) в середине X в. смоленские кривичи были «пактиотами»-данниками киевских русов, а Смоленск – городом, подчинённым Киеву. Полоцка в числе подвластных Киеву городов и полочан в числе его данников он не называет (Константин Багрянородный 1991: 44-47), что хорошо согласуется с данными ПВЛ о завоевании Полоцка Владимиром в 980 г. и о правлении в городе до того князя Рогволода («бе бо Рогъволодъ пришель и-заморья имяше власть свою в Полотьске а Туры Турове от него же и туровцы прозвашася»: ПСРЛ. I: 76; ПСРЛ. II: 63-64). Очевидно, до 980 г. Полоцкая земля не была подвластна Рюриковичам. Вышла ли она в какой-то период из-под их контроля или сведения ПВЛ о подчинении Полоцка Рюрику недостоверны, сказать сложно. Ясно одно: с середины X в. по 980 г. в Полоцке правили свои князья.

А.С. Щавелев на основании известия о княжении Рогволода в Полоцке и Тура в Турове, предположил, что «полочане и туровцы были, скорее всего, не славянскими общностями, а жителями политий, созданных правителями-пришельцами “из-за моря”, позже покоренных Рюриковичами» (Щавелев 2017: 265). Мы считаем, что невозможно провести чёткую грань между существованием полочан как особой политической группы кривичей и политией, возглавляемой Рогволодом. Если А.С. Щавелев полагает, что Рогволод мог самостоятельно создать особую политику с центром в Полоцке, то, на наш взгляд, более вероятно обратное: Рогволод неким образом возглавил уже существующую политику полочан (ср. с тем, как Рюрик возглавил уже существующее объединение словен и их союзников: Фроянов 1992: 21-106; 2015: 98-140; Седов 1999а: 82-137; Мельникова 2011: 101-102), не случайно ПВЛ упоминает княжение полочан в числе других восточнославянских княжений.

Что касается князя «Тура» или «Туры», то он вполне может быть просто легендарным эпонимом. Согласно В.П. Нерознаку, имя города Турова входит в «топонимическую серию от основы *Тур-*, восходящей к др.-русск.

турь 'буйвол, *bos primigenus, capra caucasica*' < праслав. *tuǫgь. Название города *Туровъ* по форме краткое прилаг. от др.-русск. *туровъ* < *турь*. Названия от топонимов *Тур-* широко распространены в Белоруссии, ср. *Туры*, с. Смолевичского р-на, *Турин*, с. Пуховичского р-на, *Турово*, с. Столинского р-на, *Турск*, с. Рогачевского р-на, *Туровля*, с. Полоцкого р-на» (Нерознак 1983: 177). К тому же соответствующий антропоним совсем не обязательно варяжского происхождения (как заметил М.Н. Тихомиров, в отличие от Рогволода, о Туре летопись не говорит о его «заморском» происхождении, а лишь отмечает, что он правил в Турове подобно тому, как Рогволод в Полоцке: Тихомиров 1956: 306): «Имя Туры находит себе объяснение в славянском языке, хорошо знавшем дикого быка – тура. Отсюда Буй-тур Всеволод в Слове о полку Игореве, Турова божница в Киеве, Турова могила и т.д.» (Тихомиров 1956: 306); «Слово это широко употребляется в восточнославянской антропонимии, ср. частое др.-русск. ИЛ *Тур*, отчество *Туров* (1500 г.); ср. еще Василий *Тур*, крестьянин, 1495 г. Новгород; Григорий Васильевич *Тур* Левашов, начало XVI в. Имя *Тур* символизировало силу и власть и было одним из самых распространенных доканонических древнерусских антропонимов» (Нерознак 1983: 177).

Летописцы обычно называли «кривичами» *in corpore* всех представителей славянской этнокультурной общности, археологическим эквивалентом которой является культура длинных курганов, и их потомков. Только автор этногеографического введения к ПВЛ с его блестящим знанием этнической географии славянского мира и повышенным интересом к ней сообщил уникальные сведения по этногеографии кривичей: двинские кривичи имели особое имя «полочане», а собственно «кривичами», кривичами «в узком смысле», были верхнеднепровские славяне. При этом он подчеркнул их единство, указав на происхождение вторых от первых.

Семичи. В «Поучении» Владимира Мономаха они названы дважды: после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отъяхом» (ПСРЛ. I: 248); укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одного живого, ти смердъ неколико» (ПСРЛ. I: 248).

Б.А. Рыбаков заключил: «“Семичи” – типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: “А друзии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекошася Север”» (Рыбаков 1982: 264).

А.С. Щавелев подверг мнению Б.А. Рыбакова критике и указал, что «корректно мы можем констатировать, что речь, возможно, идет о некой совокупности жителей на р. Сейм», «данных для адекватной интерпретации общности-денотата, названной Владимиром Мономахом, у нас просто нет» (Щавелев 2017: 265-266).

Однако, двукратное употребление этого имени и противопоставление его носителей смердам (по всей видимости, пленникам, посаженным на землю: Фроянов 1999: 241-251), на наш взгляд, делает предпочтительной гипотезу о том, что речь идёт не просто о гео-

графической, но именно об этнокультурной общности людей, то есть «малом» северянском племени.

Пищанцы. В летописях указывается, что после победы в битве на р. Пищане киевляне насмешливо называли побеждённых радимичей «пищаньцами» (ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530). Данное известие можно трактовать двояко. С одной стороны, возможно, здесь перед нами просто насмешливое прозвище, данное победителями побеждённым (Щавелев 2016: 193; 2017: 263-264; Жих 2017: 26). Но возможно и то, что так могло называться одно из небольших радимичских «племён». По словам Б.А. Рыбакова, «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: “Пищаньцы волчьих хвоста бегают”. В этом случае хронист расценивает пищанцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263-264). Б.А. Рыбаков поддержал А.А. Горский (Горский 2011: 138). Вопрос, видимо, надёжно не разрешим.

Поскольку этим сведения письменных источников о «малых» племенах восточных славян исчерпываются, особую важность приобретают археологические материалы.

Ещё в 1940-1950-е гг. Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что тщательное изучение курганных инвентарей и погребальных обрядов радимичей и других «племён» позволит выделить целый ряд локальных групп, соответствующих «малым» и «первичным» племенам, названия которых не отразились в источниках (Рыбаков 1947: 97; 1953: 25).

В 1950-е гг. проблема выделения «малых» племён на археологическом материале была рассмотрена Г.Ф. Соловьёвой применительно к вятичам, радимичам, дреговичам и северянам. Исследовательница пришла к выводу, что население как Радимичской земли, так и Вятической земель было сгруппировано в отдельные локальные единицы, соответствующие небольшим локальным объединениям, «малым» племенам как их традиционно называли в историографии, в совокупности составляющим, соответственно радимичское и вятическое этнополитические объединения.

В земле вятичей выделяется шесть таких курганных групп:

1) Группа в верхнем течении р. Москвы и ее притока – Истры (курганные группы: Ябедино, Власово, Волково, Ивановская I, Вишеньки, Митяево, Звенигородский монастырь). Характерные особенности: погребения в могильной яме глубиной до 1 м. В могилах встречаются остатки гробов, береста. Ориентировка погребений западная.

2) Группа в среднем течении р. Москвы (курганные группы: Чернево, Большие Черемушки, Дюдьково, Дятлово, Митино). Характерные особенности: погребения совершались на горизонте. Ориентировка всегда западная.

3) Группа на левом берегу р. Москвы, в междуречье рр. Москвы и Клязьмы (курганные группы: Льялово, Бухарово, Никольское, Устье Горетьевки, Повадино, Балятино, Химки, Мякинино, Пушкино). Характерные особенности: погребения – в могильной яме. Ориен-

тировка западная. При погребении применялась кора; встречаются каменные кладки, остатки дерева.

4) Группа в нижнем течении р. Москвы и в бассейне р. Пахры (курганные группы: Никольское, Богдановка, Мещерино, Ачкасово, Мячково, Авдотьино, Тихвинское, Бессониha, Погост пяти крестов, Суворово, Колоколово, Давыдово, Пузиково, Никоново, Тупичино, Потапово, Мещерское, Ивино, Лопаткино, Скобеево, Александровка, Сынково, Битягово, Серафимо-Знаменский скит, Никитское, Поваровка, Ушмары). Характерные особенности: основной вид погребения – положение на горизонте (начиная с XIII в., появляются погребения в яме; в XIV в. они в некоторых курганных группах вытесняют погребения на горизонте и становятся единственным видом погребения). Ориентировка умерших западная, но были встречены 3 кургана с восточной ориентировкой.

5) Группа в среднем течении р. Оки и ее притока Прони (курганные группы: Рубцово, Пронск). Характерные особенности: погребения – в могильной яме. Особенностью группы является широкое применение бересты. Одно погребение было совершено в сосновой колоде; ни разу не были обнаружены ни уголь, ни посуда, которые встречались в других группах.

6) Группа в среднем течении р. Угры (курганные группы: Васильевка, Лобановка, Юхнов, Мокрая, Желанье, Заречье, Богатыри). Характерные особенности: все погребения совершены на горизонте. Ориентировка западная (Соловьёва 1956: 161-165).

При этом какие-то объединения могут не фиксироваться археологически – относительно шести выделенных Г.Ф. Соловьёвой в земле вятичей локальных групп Б.А. Рыбаков заметил: «Они выявлены лишь в северной части Вятичей. Таких районов-племён удалось обнаружить шесть, но, исходя из их размера, во всей земле Вятичей их должно быть не менее десяти» (Рыбаков 1982: 264).

В Радимичской земле Г.Ф. Соловьёва выделила восемь археологически фиксируемых локальных групп:

1) Группа между Днепром и Сожем (курганы у Ивольска, Чеботовичей, Любен, между Ивольском и Чеботовичами). Характерные особенности: погребение в насыпи, западная ориентировка, наличие посуды в ногах или у головы умершего.

2) Группа в бассейне р. Сож (курганы у сел Радуга, Демидово, Баюра, Глубоцкое, Терюх, Столбун, Романовичи, Новые Громыки, Старые Громыки, Малые Немки, Большие Немки, Навиловка, Ухов, Залесье, Беляевка, Кукличи, Воробьевка). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, ориентировка западная. Отсутствуют погребальные сооружения, уголь, посуда.

3) Группа в бассейне р. Ипути (курганы близ сел Попова Гора, Батуровка, Антоновка, Поповка, Новая Новавицкая, Чертовичи, Карховка, Казаричи, Высокое). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, женские погребения ориентированы на запад, мужские – иногда на восток. В курганах в большом количестве встречен уголь в виде небольших кострищ под умершим или над ним. Почти в каждом погребении сохранились остатки дерева от гробовищ.

4) Группа в бассейне рр. Ипути и Снова (курганные группы Смяличи, Голубовка, Влазовичи, Гулевка, Ляличи, Холевичи, Большие Щербиничи, Гетманская Буда). Характерные особенности: встречены все 3 вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Наряду с основной западной ориентировкой встречаются мужские погребения, ориентированные на восток. Уголь, как и в предыдущей группе, обнаружен в виде небольших кострищ или под умершим, или над ним, или же просто в насыпи имеется небольшое скопление угля.

5) Группа в бассейне р. Снова (курганы у сел Малые Топали, Курозново, Медведовка). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, ориентированы на запад. Угля нет; остатков дерева от гробовищ тоже нет.

6) Группа в междуречье рр. Ипути и Снова (курганные группы Внуковичи, Тимошкин Перевоз, Людково I, Людково II, Манюки). Характерные особенности: три вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Умершие ориентированы на запад. Угля нет.

7) Группа в среднем течении Днепра (примерно от Рогачева до устья Сожа; курганные группы: Кордон, Проскурин, Колосы, Лучин, Каменка, Солонное, Вишин, Грязивец). Характерные особенности: известны все 3 вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Ориентировка преимущественно западная (восточная – только в 2 курганах, с мужскими погребениями). Встречается уголь. Особенностью группы является погребение умерших в колоде или бревенчатой (иногда дощатой) раме, прикрытой сверху.

8) Группа в междуречье рр. Сожа и Беседи (курганные группы: Краснополье, Клясин, Яново, Климовичи, Елизаветино). Характерные особенности: встречены 2 вида погребения – в насыпи и на горизонте. Погребения в насыпи – мужские, с преобладающей ориентировкой па восток. На горизонте – и мужские, и женские; женские ориентированы па запад, мужские – частью на восток. Погребальных сооружений нет. Уголь встречается часто, в виде небольших кострищ. Обнаружено неполное трупосожжение (Соловьёва 1956: 156-160).

По словам Г.Ф. Соловьёвой, «благодаря анализу особенностей погребального обряда удалось выявить на территории радимичей 8 локальных групп, которые, по-видимому, являются теми первичными племенами, которые и составили племенной союз радимичей» (Соловьёва 1956: 166).

Таким образом, судя по археологическим данным, радимический этнополитический союз представлял собой объединение как минимум восьми локальных групп славянского населения. Цифра условна, скорее всего «малых» племён в Радимической земле, как и в Вятической, было больше.

В земле дреговичей Г.Ф. Соловьёва выделила две локальные группы:

1) Восточная группа на правом берегу устья Березины (курганные группы: Рудня, Кострицкая Слобода, Курганье, Махровичи, Поповщина, Александровичи, Пачева Слобода, Любоничи, Селище, Старцы, Волосовичи, Шараевщина).

2) Западная группа на правом берегу Березины и левом берегу до верховьев р. Ольсы (курганные группы: Ясень, Горожа, Брицаловичи, Устиж, Леневка, Перекаль, Несета, Дулебня, Бирково).

Для каждого из «малых» племён можно предполагать наличие «града» – административного, религиозного и организационного центра, каковые летописи отметили у древлян (ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47) и вятичей (ПСРЛ. II: 697).

Как справедливо заметила Г.Ф. Соловьёва, «первичные племена, выявленные на территории радимичей и вятичей, должны были иметь и свои племенные центры, вокруг которых происходило объединение племен и к которым тянулось окрестное население. В дальнейшем они возможно, превратились в центры удельных княжеств, а сами первичные племена составили основу этих уделов» (Соловьёва 1956: 167).

Один такой «град», Гомель (летописный Гомий, впервые упомянутый под 1142 годом), бывший, видимо, центром посожской группы радимичей (курганная группа 2 по Г.Ф. Соловьёвой), к настоящему времени относительно неплохо изучен. В конце IX – X вв. Гомель разрастается в размерах и охватывает площадь от 4 до 8 га. Формируется двухчастная структура поселения (детинец – окольный город) с укрепленным городищем площадью около 0,7 га у слияния Сожа и Гомеюка, а также и вторым поясом оборонительных сооружений. Развивается гончарное, кузнечное, ювелирное ремесло. В городе, стоявшем на торговом пути по Сожу, и вокруг него, известны клады арабских дирхемов IX-X вв., свидетельствующие об активной торговле, которую вели его жители. Гомельское городище конца I тыс. н.э. является одним из наиболее значительных в восточнославянском мире (о радимичском периоде в истории Гомеля см.: Макушников 1990: 59-60; 2002: 32-37; 2009: 76).

Предположение Е.А. Шинакова согласно которому «Гомий, Пропуй и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости – опорные пункты с разных сторон их (радимичей – М.Ж.) границ» (Шинаков 2012: 49) лишено оснований. Киевским опорным пунктом на южной границе земли радимичей было несущее явные черты древнерусской дружинной культуры Моховское военное поселение (конец IX – начало XI вв.) в устье Сожа (о нём см.: Макушников 2009: 76-95), созданное киевскими князьями южнее Гомеля и явно противостоявшее ему. Противостояние двух расположенных напротив друг друга городищ является археологическим отражением политического противостояния Киева и Радимической земли в IX-X вв. (а возможно и в начале XI в.), в ходе которого обе стороны укрепляли свои границы. После того как Радимическая земля теряет свою независимость, необходимость в содержании Моховского военного центра для Киева отпадает, и он в первой половине XI в. исчезает. Предшествующий период около столетия отмечен противостоянием киевского Мохова и радимического Гомеля.

По мере накопления археологических материалов по земле радимичей вырисовывается структура их поселения, организация поселенческой сети с определённой иерархией разноуровневых поселений, за которой

стоит, очевидно, политико-административная структура радимичей, формирование раннегородских центров типа Гомеля и т.д. (Макушников 2009: 22-77), в общем всё то, что уже известно применительно клучше изученным восточнославянским этнополитическим союзам.

Г.Ф. Соловьёва предположила, что «изучение погребальных обрядов кривичей и дреговичей позволит выделить и у них локальные группы, те первичные племена, которые составили позднее союзы, известные нам по «Повести временных лет»» (Соловьёва 1956: 166).

Дальнейшие исследования показали правоту данного прогноза. Л.В. Алексеев в рамках ареала смоленско-полоцких кривичей выделил подобные локальные скопления: «Археологическая карта Полоцкой земли свидетельствует о том, что славяне селились... не хаотически, а группами, которые разделяли густые леса... Самых больших скоплений насчитывается десять, восемь из которых были кривичскими (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Друцкое, Лукомльское, Оршанское, Усвятское, Витебское и Изяславльское) и два дреговичских... Примечательно, что семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади и количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое» (Алексеев 1978: 24; 2006: 29); «В Смоленской земле мы наблюдаем три крупнейших скопления древнего населения. Интенсивным заселением кривичами в IX-X вв. была зона междуречья верховьев Сожа – Днепра и Каспли, а также района верховьев Западной Двины – Торопы, у Торопецкого и Жижецкого озер. Третье большое скопление населения мы видим в южной части Смоленской земли, заселенной радимичами» (Алексеев 1978: 24; 2006: 29).

Здесь археология подтвердила существование особого «малого» кривичского племени полочан, соответствующего, видимо, Полоцко-Ушачскому скоплению памятников.

В.В. Седов пришёл к выводу, что Изборск был центром одного из кривических «малых» племён: «Достаточно очевидно, что Изборск... был нерядовым поселением... Уже на первых порах поселение было защищено валом... Наличие площади, предназначенной для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь центром (племенным) одной из крупных группировок кривичей... Несомненно, что в VIII-X вв. Изборск был одним из протогородских поселений Восточной Европы» (Седов 2007: 117).

Подводя итоги археологического изучения проблемы «малых» племён у восточных славян на начало 1980-х гг., Б.А. Рыбаков писал: «Археологические материалы позволили выявить внутри всей Вятической территории отдельные небольшие районы... Таким образом, археология помогает нам осознавать всю вятическую общность именно как союз племён. Анализ распространения вятических семилопастных височных колец, изготовленных одним мастером (отлитых в одной литейной форме!), показывает, что существовала еще более мелкая структурная единица, чем племя: на всей терри-

тории Вятичей должно было быть по расчету около сотни мелких мастерских с незначительным районом сбыта в 10-15 км в поперечнике каждая. Другими словами, по археологическим данным мы можем нащупать элементы десятичного деления, характерного для высшей ступени первобытности и сохраняющегося некоторое время и позднее.

Группа поселков – “сто” (район сбыта одной мастерской).

Племя – “тысяча” – особенности погребального обряда.

Союз племен “тьма” – Вятичи – этнографическое единство» (Рыбаков 1982: 264).

Б.А. Тимошук, обобщив имевшийся на конец 80-х – начало 90-х гг. археологический материал по проблеме социально-политического развития восточных славян, уделил значительное внимание проблеме славянских политических центров разного уровня (и стоящих за ними иерархических социальных единиц) и разработал систему социальной классификации и эволюции восточнославянских поселений VI-X вв. Учёный выделил признаки поселений, которые могли быть административными центрами восточнославянских «малых» племён: «Городища-административно-хозяйственные центры всегда расположены в центре гнезд поселений. Рядом с городищами этого типа расположены большие селища, которые застроены такими же углубленными жилищами, как и городища. Например, возле Добрыновского городища-административно-хозяйственного центра располагается селище площадью 500x200 м. На территории этого селища в стенках карьеров обнаружено более двух десятков полуземляночных жилищ с печами-каменками. Два жилища раскопаны. Возле этих жилищ находились ямы-погребца. Жилища на этом селище располагаются на значительном расстоянии одно от другого. Они, по-видимому, принадлежали индивидуальным хозяйствам. Городища-административно-хозяйственные центры отличаются от других типов городищ-общинных центров (убежищ и святилищ) прежде всего тем, что их укрепленные площадки были плотно застроены стационарными жилищами (полуземлянками с каменными или глинобитными печами в одном из углов), ремесленными мастерскими и хозяйственными постройками. На территории этих городищ могли располагаться (обычно возле оборонительных стен) длинные дома общественного назначения. Укрепленные линии городищ-административно-хозяйственных центров были деревянными, но несколько более сложной структуры, чем на городищах-убежищах. Например, административно-хозяйственные центры в Добрыновцах и Горишних Шеровцах были ограждены деревянными стенами типа “столпие”. Рядом с городищами-административно-хозяйственными центрами находятся большие синхронные селища» (Тимошук 1990: 44).

Если в 1956 г. Г.Ф. Соловьёва полагала, что «выделить границы первичных племен по материалам X-XII вв. на территории северян невозможно» (Соловьёва 1956: 1966), то ныне Ю.О. Пуголюков констатировал, что к настоящему времени в ареале роменской культуры вычлениваются три крупных группировки: (1) западная, рас-

пространённая на территории Новгород-Северского и Стародубского Подесенья; (2) соответствующая летописным семичам – Курское Посемье в среднем течении Сейма, и, возможно, верховья Псла; (3) восточная, пространённая в бассейнах рр. Сулы, Псла и Ворсклы, а, также, вероятно, Северского Донца (Пуголовок 2018: 216-217).

Б.А. Звиздецкий выделил по археологическим материалам «племенные центры» в Древлянской земле: «Летопись не раскрывает социальную сущность древлянских “градов”. Исключения в данном случае составляют лишь Искоростень и Вручий – резиденции князей и “мужей лучших”, “иже держажу Деревьскую землю”. Однако внимательный анализ письменных источников заставляет предположить, что безымянные “грады” являются укрепленными пунктами, где концентрируются представители социальной верхушки. Именно из их числа древляне выбирали 20 представителей (“мужей лучших”), которые едут в 945 г. в Киев с миссией сватовства к овдовевшей Ольге. Количество послов Древлянской земли кажется нам вовсе не случайным. Оно в точности совпадает с количеством “градов”, обнаруженных археологическим путём. Поэтому можем предположить, что 20 послов могли быть полномочными представителями 20 “градов” Древлянской земли, то есть представительство составляло по одному мужу от каждого “града”. На это же указывает и обращение послов к княгине Ольге: “Посла ны Деревьска земля”. В этой связи совершенно неожиданно, на первый взгляд, выглядит пассаж, когда сваты Мала начинают говорить не от его имени, а во множественном числе, восхваляя своих сюзеренов: “А наши князья добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю”. Итак, 20 послов были представителями не только и не столько отдельных “Градов”, а в первую очередь, своих князей “иже держажу Деревьскую землю”. Поэтому можем предположить, что 20 древлянских укреплений IX-X в. были резиденциями местных князей, которые управляли племенной территорией. Таким образом, вся Древлянская земля IX – середины X в. выступала суммой 20 территорий отдельных племен во главе со своим местным князем. Союз племен Древлянской земли был политическим образованием, где местные князья покорялись, в первую очередь, своему верховному князю Малу» (Звиздецкий 2008: 76-77).

Вспомним приведённый выше пример с чехами, у которых в IX в. количество «князей» также соответствовало количеству городов (Civitas). У древлян, и, видимо, у других восточнославянских этнополитических союзов ситуация была аналогичной: каждое «малое» племя, входящее в союз, имело своего князя и свой «град» – организационный и политико-административный центр.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «Размещение первичных племен можно определять по городам, находящимся в границах того или иного союза племен. К городским поселениям северо-западных словен принадлежали, как известно, Новгород и Ладога... если Изборск все же был городом кривичей, то и тогда подтверждается мысль о существовании центров первичных племен, хотя и на примере соседствующего с новгородскими словенами племенного объединения.

Что касается словенских городов – средоточий отдельных племен, к ним, вероятно, следует отнести также Новые Дубовики, Холопий городок. Древнейшим из упомянутых словенских городов являлась, как свидетельствуют археологические данные, Ладога, сооруженная в низовьях Волхова... Время создания поселения – середина VIII в. Ладога возникла в гуще поселений, в окружении поселков-сателлитов, будучи центром заселений округи»; «Старая Ладога возникла и существовала длительное время как племенной центр. Своим происхождением она обязана окрестному населению, организованному в родовые общины. Ладога, рожденная в гуще этих общин, отразила процесс их слияния в единое племя, для поддержания жизнедеятельности которого она и предназначена»; «“Власть центра” отдельного племени (а в этом качестве и предстают перед нами Ладога и Новые Дубовики) распространялась лишь на поселения соплеменников»; «Обратим внимание на весьма знаменательную особенность размещения словенских поселений. Они распределялись скоплениями, гнездами, расположенными друг от друга на расстоянии, исчисляемом порой не одним десятком километров... Логично предположить, что отдельный поселок олицетворял собою род, а скопление поселений – племя» (Фроянов 1992: 26-40. См. также: Фроянов 2015: 98-101).

И.И. Еремеев и О.Ф. Дзюба предприняли попытку выделения «племенных» центров, а соответственно, и «малых» племён, в ареале ильменских словен на основе новых археологических данных: «На роль административных и культовых центров “малых племен” или “родов” подходят, на наш взгляд, только городища первой группы, расположенные в Восточном Приильменье – Бронница, Городок на Маяте и Сельцо. Не исключено, что в этот ряд следует поставить и Холопий Городок, хотя он возникает не ранее VIII в... Области “малых племен” или родов со своими городками после славянского расселения в Приильменье действительно сформировались независимо от трансевропейских торговых путей, только произошло это не в VIII-IX вв., как, вслед за археологами, полагал И.Я. Фроянов, а значительно раньше. Нам представляется, что картина формирования территорий “малых племен” в общих чертах уловлена И.Я. Фрояновым верно. Именно для середины – третьей четверти I тыс. н.э. в Ильменской котловине уместна панорама, нарисованная этим автором – как раз тогда мы видим здесь племенные городки» (Еремеев, Дзюба 2010: 417).

Возможно, И.И. Еремеев и О.Ф. Дзюба слишком жёстко разграничивают славянские «племенные городки» и поселения, связанные с «трансевропейскими торговыми путями». Нельзя исключать, что, по крайней мере, в части случаев поселения могли совмещать обе эти функции, а внедрявшиеся в восточнославянскую среду варяги не обязательно сразу приносили какие-то принципиально новые политические формы. На раннем этапе, они, скорее, просто включались в уже существующую славянскую политическую структуру, дополняя её.

Таким образом, к настоящему времени накоплен достаточный археологический материал, позволяющий

уверенно говорить о существовании в ареале обширных летописных объединений восточных славян более мелких структурных единиц – локальных скоплений памятников со своими центрами.

Эти археологически выделяемые локальные скопления соответствуют «малым» племенам (термин условен, но лучший пока не предложен), существование которых историки предполагают на основе отдельных летописных сообщений (упоминания полочан и семичей, рас-

сказ о древлянах, у которых много князей и которые отправляют в Киев двадцать послов, соответствующих двадцати археологически зафиксированным древлянским городищам), сопоставления восточных славян с западными (по которым мы имеем больше информации), а также с другими народами, находившимися на позднеродовой и предгосударственной стадии развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1978 - Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23-30.
- Алексеев 2006 - Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 289 с.
- Барсов 1873 - Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. 272 с.
- Горский 1995 - Горский А.А. Кривичи и полочане в IX-X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства восточной Европы. 1992-1993. М.: Наука, 1995. С. 50-63.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 207 с.
- Горский 2011 - Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129-180.
- Данилевский 2014 - Данилевский И.Н. Восточнославянские «племенные союзы»: Реальность или летописная легенда? // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М.: Индрик, 2014. С. 66-75.
- Данилевский 2018 - Данилевский И.Н. Историческая текстология: учебное пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 556 с.
- Дворниченко 2006 - Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI-X вв. // Rossica antiqua. 2006. Исследования и материалы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 184-195.
- Еремеев, Дзюба 2010 - Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Жих 2012 - Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10. С. 151-169.
- Жих 2015 - Жих М.И. О соотношении летописных кривичей и полочан // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31-52.
- Жих 2015а - Жих М.И. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. 2015. № 2. С. 7-28.
- Жих 2017 - Жих М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.
- Жих 2017а - Жих М.И. Псковские кривичи // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 87-106.
- Жих 2021 - Жих М.И. Имажинарная география летописца или воображение современного автора? Рецензия на статью: Щавелев А.С. «Белые пятна» имажинарной этногеографии «Повести временных лет» // Исторический формат. 2021. № 1. С. 145-155.
- Звіздецкий 2008 - Звіздецкий Б.А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Київ, 2008. 176 с.
- Ключевский 1987 - Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.
- Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Литаврин 2001 - Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 2001. 608 с.
- Лукин 2017 - Лукин П.В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 283-293.
- Мавродин 1971 - Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.
- Мавродин, Фроянов 1974 - Мавродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Сборник к 70-летию М.К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 29-33.
- Макушников 1990 - Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси / Ответственный редактор П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 56-62.
- Макушников 2002 - Макушников О.А. Гомель с древнейших времён до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк. Гомель: Центр научно-технической и деловой информации, 2002. 244 с.
- Макушников 2009 - Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
- Мельникова 2011 - Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.

- Морган 1934 - Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: Издательство Института народов севера ЦИК СССР, 1934. 352 с.
- Назаренко 2001 - Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Нерознак 1983 - Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
- Нидерле 1898 - Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898. 655 с.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: АСТ, 2000. С. 39-85.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.
- Пуголовк 2018 - Пуголовк Ю.О. До питання про включення південно-східних земель сіверян до складу Русі // Старожитності Лівобережжя Дніпра. К., 2018. С. 216-228.
- Рыбаков 1947 - Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // Советская этнография. 1947. Т. VI-VII. С. 81-105.
- Рыбаков 1953 - Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23-104.
- Рыбаков 1964 - Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.
- Седов 1974 - Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 94 с.
- Седов 1981 - Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 5-11.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.
- Седов 1999а - Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.
- Седов 2007 - Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
- Середонин 1916 - Середонин С.М. Историческая география. Петроград, 1916. 245 с.
- Соболевский 1884 - Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соловьёва 1956 - Соловьёва Г.Ф. Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Вып. XXV. 1956. С. 138-170.
- Спицын 1899 - Спицын А.А. Расселение древнерусских племён по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Т. VIII. С. 301-340.
- Тацит 1993 - Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича; редактор М.Е. Сергеенко // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. СПб.: Наука, 1993. С. 337-356.
- Тимошук 1990 - Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв. М.: Наука, 1990. 184 с.
- Титмар Мерзебургский 2019 - Титмар Мерзебургский. Хроника. Третье издание, исправленное и дополненное / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2019. 674 с.
- Тихомиров 1956 - Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 478 с.
- Толочко 2002 - Толочко А.П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. К., 2002. С. 112-117.
- Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
- Трубачев 1974 - Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.
- Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.
- Флоря 1981 - Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племён чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 97-130.
- Фроянов 1980 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.
- Фроянов 1992 - Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 280 с.
- Фроянов 1999 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 372 с.
- Фроянов 2015 - Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
- Фульдские анналы 2010 - Фульдские анналы / Перевод с немецкого А. Кулакова. 2010 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (дата обращения - 04.05.2019).
- Хрестоматия 1949 - Хрестоматия по истории средних веков / Под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. I. М.: Учпедгиз, 1949. 404 с.
- Шахматов 1899 - Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1899. 63 с.
- Шахматов 1919 - Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. 65 с.

- Шинаков 2012 - Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 34-93.
- Щавелев 2016 - Щавелев А.С. Еще раз о радимичах и пишанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 190-195.
- Щавелев 2017 - Щавелев А.С. К интерпретации древнерусских летописных известий о славянских общностях Восточной Европы // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2017. С. 259-267.
- Щавелев 2019 - Щавелев А.С. «Белые пятна» имагинарной этногеографии «Повести временных лет»: методологические и полемические заметки о локализации общностей дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов // Историческая география. Т. 4. М.: Аквилон, 2019. С. 167-198.
- Kowalski 1946 - Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do wo krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrego. Kraków, 1946. 162 s.
- Tolochko 2007 - Tolochko O.P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2007. S. 169-188.
- Urbańczyk 2008 - Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 420 s.

REFERENCES

- Alekseev 1978 - Alekseev L.V. Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskikh zemel' v IX-XIII vv. [Some issues of settlement and development of Western Russian lands in the IX-XIII centuries], in: Drevnyaya Rus' i slavyane. Sbornik k 70-letiyu akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and the Slavs. Collection for the 70th anniversary of Academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 23-30 [in Russian].
- Alekseev 2006 - Alekseev L.V. Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury [The Western Lands of Pre-Mongol Russia: essays on history, archeology, and culture], Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 2006, 289 p. [in Russian].
- Barsov 1873 - Barsov N.P. Ocherki russkoj istoricheskoy geografii [Essays on Russian historical Geography. Geography of the initial chronicle], Geografiya nachal'noj letopisi, Varshava, 1873, 272 p. [in Russian].
- Danilevskij 2014 - Danilevskij I.N. Vostochnoslavyanskije «plemennye soyuzy»: Real'nost' ili letopisnaya legenda? [East Slavic "tribal unions": Reality or a chronicle legend?], in: Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest' I.G. Konovalovoj / Pod red. T.N. Dzhakson i A.V. Podosinova [The book is a picture of the Earth. Collection of articles in honor of I.G. Konovalova / Edited by T.N. Dzhakson and A.V. Podosinov], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 66-75 [in Russian].
- Danilevskij 2018 - Danilevskij I.N. Istoricheskaya tekstologiya: uchebnoe posobie [Historical textology: a textbook], Moscow, Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki Publ., 2018, 556 p. [in Russian].
- Dvornichenko 2006 - Dvornichenko A.YU. O vostochnoslavyanskom politogeneze v VI-X vv. [On the East Slavic politogenesis in the VI-X centuries], in: Rossica antiqua, 2006, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 184-195 [in Russian].
- Eremeev, Dzyuba 2010 - Eremeev I.I., Dzyuba O.F. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoj chasti puti iz varyag v greki [Essays on the historical geography of the forest part of the way from the Varangians to the Greeks], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 670 p. [in Russian].
- Florya 1981 - Florya B.N. Formirovanie cheshskoj rannefeodal'noj gosudarstvennosti i sud'by samosoznaniya slavyanskikh plemyon cheshskoj doliny [The formation of the Czech Early feudal statehood and the fate of the self-consciousness of the Slavic tribes of the Czech Valley], in: Formirovanie rannefeodal'nyh slavyanskikh narodnostej [Formation of early feudal Slavic peoples], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 97-130 [in Russian].
- Froyanov 1980 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].
- Froyanov 1992 - Froyanov I.YA. Myatezhnyj Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoy bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod. Essays on the history of statehood, social and political struggle of the late IX – early XIII century], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 280 p. [in Russian].
- Froyanov 1999 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Glavnye cherty social'no-ekonomicheskogo stroya [Kievan Rus: The main features of the socio-economic system], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1999, 372 p. [in Russian].
- Froyanov 2015 - Froyanov I.Ja. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], St. Petersburg, Russkaja kollekcija Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].
- Ful'dskie annaly 2010 - Ful'dskie annaly / Perevod s nemeckogo A. Kulakova [The Fulda Annals / Translated from the German by A. Kulakov], 2010, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frames1.htm (Date of access - 04.05.2019) [in Russian].
- Gorskij 1995 - Gorskij A.A. Krivichi i polochane v IX-X vv. (Voprosy politicheskoy istorii) [Krivichs and the Polochans in the IX-X centuries. (Questions of political history)], in: Drevnejšie gosudarstva vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 1992-1993, Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 50-63 [in Russian].
- Gorskij 2004 - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus: From the Slavic Settlement to the Muscovite Kingdom], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 207 p. [in Russian].
- Gorskij 2011 - Gorskij A.A. Slavyanskoe rasselenie i evolyuciya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic settlement and the evolution of the social system of the Slavs], in: Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty [The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and social aspects], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].
- Hrestomatiya 1949 - Hrestomatiya po istorii srednih vekov / Pod redakciej N.P. Gracianskogo i S.D. Skazkina [A textbook on the history of the Middle Ages / Edited by N.P. Graziansky and S.D. Skazkin], Vol. I, Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949, 404 p. [in Russian].

- Klyuchevskij 1987 - Klyuchevskij V.O.** Sochineniya v devyati tomah [Works in nine volumes], Vol. I, Moscow, Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].
- Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 - Konstantin Bagrjanorodnyj.** Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [De Administrando Imperio / Texts, translation, comment; Editor-in-chief G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].
- Kowalski 1946 - Kowalski T.** Relasja Ibrahima ibn Jakuba z podrozy do wo krajow slowianskich w przekazie Al-Bekrego [The relinquishment of Toggle the table of contents Ibrahim ibn Yaqub from his travels to the Slavic lands in the message of Al-Bakri], Kraków, 1946, 162 p. [in Polish].
- Litavrin 2001 - Litavrin G.G.** Vizantiya i slavyane [Byzantium and the Slavs], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2001, 608 p. [in Russian].
- Lukin 2017 - Lukin P.V.** «No preblagii Bog" ne hotya smerti gr̄shnikom"»: nachal'noe letopisanie ob epohe Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam ["But the good God did not want sinners to die": the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories], in: Rus' epohi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, cerkov', kul'tura [Russia of the era of Vladimir the Great: state, Church, culture], Moscow; Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2017, pp. 283-293 [in Russian].
- Makushnikov 1990 - Makushnikov O.A.** Osnovnye etapy razvitiya letopisnogo Gomiya (do serediny XIII v.) [The main stages of the development of chronicle Gomel (until the middle of the XIII century)], in: Problemy arheologii YUzhnoj Rusi / Otvetsvennyj redaktor P.P. Tolochko [Problems of the archaeology of Southern Russia / Responsible editor P.P. Tolochko], Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, pp. 56-62 [in Russian].
- Makushnikov 2002 - Makushnikov O.A.** Gomel' s drevnejshih vremyon do konca XVIII veka. Istoriko-kraevedcheskij ocherk [Gomel from ancient times to the end of the XVIII century. Historical and local history essay], Gomel, Centr nauchno-tekhničeskoj i delovoj informacii Publ., 2002, 244 p. [in Russian].
- Makushnikov 2009 - Makushnikov O.A.** Gomel'skoe Podneprov'e v V – seredine XIII vv.: Social'no-ekonomičeskoe i etnokul'turnoe razvitie [Gomel Dnieper region in the V – middle of the XIII centuries: Socio-economic and ethnocultural development], Gomel, GGU im. F. Skoriny Publ., 2009, 218 p. [in Russian].
- Mavrodin 1971 - Mavrodin V.V.** Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti [The formation of the Ancient Russian state and the formation of the Ancient Russian nationality], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 192 p. [in Russian].
- Mavrodin, Froyanov 1974 - Mavrodin V.V., Froyanov I.YA.** «Starcy gradskie» na Rusi X v. ["Starcy gradskie" in Russia of the tenth century], in: Kul'tura srednevekovej Rusi. Sbornik k 70-letiyu M.K. Kargera [The culture of medieval Russia. Collection for the 70th anniversary of M.K. Karger], Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 29-33 [in Russian].
- Mel'nikova 2011 - Mel'nikova E.A.** Drevnyaya Rus' i Skandnaviya: Izbrannye Trudy [Ancient Russia and Scandinavia: Selected works], Moscow, Russkij Fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2011, 476 p. [in Russian].
- Morgan 1934 - Morgan L.G.** Drevnee obshchestvo [Ancient Society], Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov severa CIK SSSR Publ., 1934, 352 p. [in Russian].
- Nazarenko 2001 - Nazarenko A.V.** Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, političeskikh svyazej IX-XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary essays on cultural, Trade, and Political Ties of the IX-XII centuries], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].
- Neroznak 1983 - Neroznak V.P.** Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of ancient Russian cities], Moscow, Nauka Publ., 1983, 208 p. [in Russian].
- Niderle 1898 - Niderle L.** Chelovechestvo v doistoričeskie vremena [Humanity in prehistoric times], Saint-Petersburg, 1898, 655 p. [in Russian].
- Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P.** Vostochnye slavyane i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [The Eastern Slavs and the formation of the Ancient Russian state], in: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII v. [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century], Moscow, AST Publ., 2000, pp. 39-85 [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I.** Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II.** Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume II. The Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PSRL. VII - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. VII.** Voskresenskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume VII. The Resurrection Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 360 p. [in Russian].
- Pugolovok 2018 - Pugolovok YU.O.** Do pitannya pro vključennya pivdenno-skhidnih zemel' siveryan do skladu Rusi [On the issue of the inclusion of the southeastern lands of the Northerners into Russia], in: Starozhitnosti Livoberezhzhyia Dnipro [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper], Kiev, 2018, pp. 216-228 [in Ukrainian].
- Rybakov 1947 - Rybakov B.A.** Polyane i severjane (K voprosu o razmeshchenii letopisnyh plemen na Srednem Dnepre) [The Glades and the Northerners (On the issue of the placement of chronicled tribes on the Middle Dnieper)], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1947, Vol. VI-VII, pp. 81-105 [in Russian].
- Rybakov 1953 - Rybakov B.A.** Drevnie rusy [Ancient Rus], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1953, Vol. XVII, pp. 23-104 [in Russian].
- Rybakov 1964 - Rybakov B.A.** Pervye veka russkoj istorii [The first centuries of Russian history], Moscow, Nauka Publ., 1964, 240 p. [in Russian].
- Rybakov 1982 - Rybakov B.A.** Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].
- Sedov 1974 - Sedov V.V.** Dlinnye kurgany krivichej [The long barrows of Krivichi], Moscow, Nauka Publ., 1974, 94 p. [in Russian].
- Sedov 1981 - Sedov V.V.** Ob etničeskoj prinadležnosti pskovskih dlinnyh kurganov [About the ethnicity of the Pskov long barrows], in: Kratkie soobshčeniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1981, Vol. 166, pp. 5-11 [in Russian].

- Sedov 1982** - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [The Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].
- Sedov 1999a** - Sedov V.V. U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti [At the origins of the East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].
- Sedov 2007** - Sedov V.V. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in the Early Middle Ages], Moscow, Nauka, 2007, 413 p. [in Russian].
- Seredonin 1916** - Seredonin S.M. Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Petrograd, 1916, 245 p. [in Russian].
- SHahmatov 1899** - SHahmatov A.A. K voprosu ob obrazovanii russkikh narechij i russkikh narodnostej [Russian dialects and ethnic groups on the issue of education], Saint-Petersburg, Tipografiya V.S. Balasheva Publ., 1899, 63 p. [in Russian].
- SHahmatov 1919** - SHahmatov A.A. Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [The ancient destinies of the Russian tribe], Petrograd, 1919, 65 p. [in Russian].
- SHCHavelev 2016** - SHCHavelev A.S. Eshhe raz o radimichah i pishhanchah: analiz pis'mennyh tekstov i interpretacija arheologicheskikh dannyh [Once again about Radimichs and Pishchanets: analysis of written texts and interpretation of archaeological data], in: Russkij sbornik. Vyp. 8. T. 2 [Russian collection. Release 8. Volume 2], Bryansk, RIO BGU Publ., 2016, pp. 190-195 [in Russian].
- SHCHavelev 2017** - SHCHavelev A.S. K interpretacii drevnerusskikh letopisnyh izvestij o slavyanskikh obshchnostyah Vostochnoj Evropy [On the interpretation of the Old Russian chronicle news about the Slavic communities of Eastern Europe], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIX CHteniya pamyati V.T. Pashuto [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. XXIX Readings in memory of V.T. Pashuto], Moscow, 2017, pp. 259-267 [in Russian].
- SHCHavelev 2019** - SHCHavelev A.S. «Belye pyatna» imazhinarnoj etnogeografii «Povesti vremennyh let»: metodologicheskie i polemicheskie zametki o lokalizacii obshchnostej dulebov, dregovichej, radimichej, tivercev i horvatov [“White spots” of imaginary ethnogeography “Tale of Bygone Years”: methodological and polemical notes on the localization of communities of Dulebs, Dregovichs, Radimichi, Tivertsy and Croats], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 4, Moscow, Akvilon Publ., 2019, pp. 167-198 [in Russian].
- SHinakov 2012** - SHinakov E.A. Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe on the eve and in the process of formation of the Ancient Russian state], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The oldest states of Eastern Europe. The year is 2010. Prerequisites and ways of formation of the Ancient Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 34-93 [in Russian].
- Sobolevskij 1884** - Sobolevskij A.I. Ocherki iz istorii russkogo yazyka [Essays from the history of the Russian language], Kiev, 1884 [in Russian].
- Solov'yova 1956** - Solov'yova G.F. Slavyanskije soyuzy plemyon po arheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.e. (vyatichi, radimichi, severjane) [Slavic tribal unions based on archaeological materials of the VIII-XIV centuries AD (Vyatichi, Radimichi, Severians)], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], Vol. XXV, 1956, pp. 138-170 [in Russian].
- Spicyn 1899** - Spicyn A.A. Rasselenie drevnerusskikh plemyon po arheologicheskim dannym [Settlement of ancient Russian tribes according to archaeological data], in: ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], 1899, Vol. VIII, pp. 301-340 [in Russian].
- Tacit 1993** - Kornelij Tacit. O proiskhozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii / Perevod A.S. Bobovicha; redaktor M.E. Sergeenko [On the origin of the Germans and the location of Germany / Translated by A.S. Bobovich; edited by M.E. Sergeenko], in: Kornelij Tacit. Sochineniya v dvuh tomah [Works in two volumes], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 337-356 [in Russian].
- Tihomirov 1956** - Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda [Ancient Russian cities], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1956, 478 p. [in Russian].
- Timoshchuk 1990** - Timoshchuk B.A. Vostochnoslavjanskaya obshchina VI-X vv. [The East Slavic community of the VI-X centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, 184 p. [in Russian].
- Titmar Merzeburgskij 2019** - Titmar Merzeburgskij. Hronika. Tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova [The chronicle. The third edition, corrected and supplemented / Translated from Latin by I.V. Dyakonov], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2019, 674 p. [in Russian].
- Tolochko 2002** - Tolochko A.P. Voobrazhennaya narodnost' [An imaginary nationality], in: Ruthenica, Vol. I, Kiev, 2002, pp. 112-117 [in Russian].
- Tolochko 2007** - Tolochko O.P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rud' State, in: Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe, Turnhout, 2007, pp. 169-188 [in English].
- Tolochko 2015** - Tolochko A.P. Ocherki nachal'noj rusi [Essays of Primary Russia], Kiev; Saint-Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].
- Trubachev 1974** - Trubachev O.N. Rannie slavyanskije etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of the migration of the Slavs], in: Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].
- Trubachev 2005** - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, expanded], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].
- Urbańczyk 2008** - Urbańczyk P. Trudne początki Polski [Difficult beginnings of Poland], Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Publ., 2008, 420 p. [in Polish].
- ZHih 2012** - ZHih M.I. Narod i vlast' v Kievskoj Rusi (do konca XI veka) [The people and the government in Kievan Rus (until the end of the XI century)], in: Voprosy nacionalizma [Issues of nationalism], 2012, № 10, pp. 151-169 [in Russian].

ZHih 2015 - **ZHih M.I.** O sootnoshenii letopisnyh krivichej i polochan [Relations between Krivichians and Polochans from Annalistic chronicles], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 31-52 [in Russian].

ZHih 2015a - **ZHih M.I.** Slavyanskaya znat' dogosudarstvennoj epohi po dannym nachal'nogo letopisaniya [Slavs' upper class in the pre-state epoch (from the Earliest medieval annals)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 7-28 [in Russian].

ZHih 2017 - **ZHih M.I.** Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Zhih 2017a - **Zhik M.I.** Pskovskie krivichi [Pskov Kriviches], in: Vojadzher: mir i chelovek [Voyager: world and person], 2017, № 8, pp. 87-106 [in Russian].

ZHih 2021 - **ZHih M.I.** Imazhinarnaya geografiya letopisca ili voobrazhenie sovremennogo avtora? Recenziya na stat'yu: SHCHavelev A.S. «Belye pyatna» imazhinarnoj etnogeografii «Povesti vremennyh let»: metodologicheskie i polemicheskie zametki o lokalizacii obshchnostej dulebov, dregovichej, radimichej, tivercev i horvatov [Imaginary geography of the chronicler or imagination of a contemporary author? Review of the article: A.S. Shchhavelev "White spots" of imaginary ethnogeography "Tale of Bygone Years": methodological and polemical notes on the localization of communities of Dulebs, Dregovichs, Radimichi, Tivertsy and Croats], in Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 1, pp. 145-155 [in Russian].

Zvizdeckij 2008 - **Zvizdeckij B.A.** Gorodishcha IX-XIII vv. na teritorii litopisnih drevlyan [Settlements of the IX-XIII centuries on the territory of the chronicled Drevlyans], Kiev, 2008, 176 p. [in Ukrainian].

Жих Максим Иванович

– Заместитель главного редактора Международного научного журнала «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– Deputy Editor-in-Chief of International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru